

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Босх услышал музыку, когда ехал по Малхолланд-драйв по направлению к перевалу Кауэнга. Обрывки струнных фраз и случайные всплески духовых, отражаясь от окружавших дорогу, иссушенных летним зноем холмов, искажались доносившимся с Голливудского шоссе шумом автомобилей. Он не узнал мелодию, но не сомневался, что движется по направлению к ее источнику.

Босх притормозил, заметив у спуска на гравийную дорогу машины: два полицейских седана и патрульный автомобиль. Он пристроил свой «каприс» за ними и вышел. На крыло патрульного автомобиля облокотился полицейский, а от бокового зеркальца к дорожному указателю на противоположной стороне дороги тянулась желтая пластиковая лента. В Лос-Анджелесе для ограждения мест преступлений их требуется очень много. Черные буквы на белом фоне указателя почти скрылись под паутиной граффити. Босх прищурился и разобрал надписи:

Пожарное управление
Лос-Анджелеса. Пожарный контроль.
Дорога обеспечения пожарной безопасности.
Проезд запрещен! Не курить!

Заметив Босха, полицейский, здоровенный малый с опаленной солнцем кожей и торчащими ежиком белобрысыми волосами, выпрямился. Но Босху бросился в глаза не только его рост: на поясе полицейского висела дубинка, ее конец облупился и был в царапинах, из-под черной краски блестел алюминий. Уличные громилы с гордостью носили потрепанное в сражениях оружие, демонстрируя его как недвусмысленное предупреждение. Этот коп, очевидно, крушил головы направо и налево. Значок над его нагрудным карманом сообщал, что фамилия полицейского — Пауэрс. Хотя сумерки сгущались, он смотрел на Босха сквозь солнцезащитные очки, и в стеклах отражались темнеющие оранжевые облака. Такие закаты напоминали Босху зарево пожаров, случившихся несколько лет назад.

— Гарри Босх? — с легким удивлением проговорил Пауэрс. — Когда вы вернулись на службу?

Прежде чем ответить, Босх присмотрелся к полицейскому. Он видел его впервые, но это ничего не значило: историю Босха прекрасно знали в Голливудском отделении полиции.

— Только что. — Он не протянул руки: на месте преступления не принято обмениваться рукопожатиями.

— Значит, первое расследование с тех пор, как снова при деле?

Босх вынул сигарету и закурил. Курение в Голливудском отделении полиции не одобрялось, но его это не волновало.

— Вроде того. Кто на месте преступления?

— Эдгар и новенькая. Как ее там...

— Райдер?

— Мне без разницы.

Босх не стал развивать тему. Он догадывался, что скрывалось за презрительной позой патрульного. Не важно, что Кизмин Райдер обладала блестящими способностями и слыла опытным детективом. Пауэрсу на это наплевать, даже если бы Босху вздумалось просвещать его на сей счет. Полицейский полагал, что носит синий мундир, а не значок детектива по одной лишь причине: в эпоху продвижения женщин и представителей национальных меньшинств по служебной лестнице ему не повезло родиться белым мужчиной. Это болячка, которую лучше не расчесывать и оставить в покое.

Он расценил молчание Босха как несогласие и недовольно буркнул:

— Они сказали, что, когда приедут Эмми и Сид, их можно пропустить. Наверное, покончили с делом. Так что вы тоже можете проехать, а не топтать пешком.

Босх не сразу сообразил, что речь идет о судмедэксперте и криминалисте отдела технических экспертиз. Полицейский упомянул о них так, словно эту парочку пригласили на пикник.

Босх бросил на землю недокурную сигарету и тщательно растер подошвой. Не хватало еще в свой первый день возвращения на детективную стезю стать причиной пожара.

— Лучше прогуляюсь. Что насчет лейтенанта Биллетс?

— Пока не появлялась.

Босх шагнул к машине и через открытое окно достал кейс. Затем снова приблизился к Пауэрсу:

— Вы его нашли?

— Я. — Полицейский явно гордился собой.

— Как вам удалось открыть машину?

— У меня всегда при себе линейка. Просунул за стекло и открыл, потом заглянул в багажник.

— Почему?

— Запах. Несло так, что все стало ясно.

— Надевали перчатки?

— Нет. Не было при себе.

— До чего-нибудь дотрагивались?

Пауэрс на мгновение задумался.

— До дверной ручки, до замка багажника.

— Эдгар или Райдер сняли с вас показания?

— Нет.

Босх кивнул:

— Вот что я вам скажу, Пауэрс. Понимаю, вы гордитесь собой. Но в следующий раз не открывайте машину. Все мы хотим быть детективами, но не каждый им становится. Подобные действия осложняют работу на месте преступления, и вы прекрасно об этом знаете.

Босх заметил, как побагровело лицо полицейского и на скулах натянулась кожа.

— А я вам вот что отвечу, Босх. Если бы я просто сообщил, что обнаружил подозрительный автомобиль, от которого несет так, что в нем как пить дать спрятали жмурика, вы бы заявили: «Что там опять мудрит этот Пауэрс?» — и оставили бы труп догнивать под солнцем, пока от вашего места преступления не остался бы пшик.

— Вероятно, вы правы. Но это был бы наш прокол, а не ваш. Мы еще не успели начать, а вы уже путаете нам карты.

Полицейский разозлился, но промолчал. Босх, готовый продолжить спор, немного подождал и произнес:

— А теперь, будьте любезны, приподнимите ленту и позвольте мне пройти.

Пауэрс отступил к ленте. Босх дал бы ему на вид лет тридцать пять. Самодовольно-развязная манера бывшего патрульного. Такую манеру быстро приобретали в полиции Лос-Анджелеса, как в свое время во Вьетнаме. Пауэрс поднял ленту и, когда Босх проходил мимо, буркнул:

— Не заблудитесь.

— Постараюсь, Пауэрс. Но если что, вы меня отыщете.

Пожарная дорога была шириной всего в один ряд и заросла по обочинам кустарником высотой по пояс. По бокам разбросаны мусор и битое стекло — ответ строптивых граждан на запрет съезжать с шоссе. Босх подозревал, что по ночам дорога становилась излюбленным местом сборищ городских подростков.

Он шел, и музыка звучала все громче, но Босх так и не угадал мелодию. Примерно через четверть мили ему попала засыпанная гравием поляна — пункт сосредоточения пожарной техники, в случае если на окрестных холмах по подлеску покатится огонь. Сегодня поляна превратилась в место преступления. Вдалеке стоял «роллс-ройс», а рядом — коллеги Босха: Райдер и Эдгар. Райдер зарисовывала в блокнот место преступления, а Эдгар делал измерения. Завидев Босха, он приветственно помахал рукой в перчатке из латекса и освободил стопор рулетки — гибкая лента скользнула в корпус.

— Гарри, где ты пропал?

— Красил, — усмехнулся Босх. — Требовалось помыться, переодеться, убрать краски.

По мере того как он приближался, перед ним открывалась картина преступления. Они оказались на

крутом склоне над «Голливудской чашей»¹. Внизу располагался круглый летний театр, и именно оттуда доносилась музыка — в уик-энд на День труда закрывала сезон филармония Лос-Анджелеса. Восемнадцать тысяч слушателей сидели рядами на противоположной стороне каньона. Люди наслаждались приятным воскресным вечером.

— Господи, — произнес Босх.

К нему подошли Эдгар и Райдер.

— Ну, что тут у вас?

— В багажнике труп, — ответила Райдер. — Белый мужчина. Огнестрельное ранение. Больше мы к нему не прикасались. Закрыли крышку и подключили всех, кого следует.

Босх повернулся к автомобилю, миновав старое кострище в середине поляны.

— С машиной закончили? — Он кивнул на «роллс-ройс».

— Осмотрели, — отозвался Эдгар. — Почти ничего. Лужица под днищем, и, пожалуй, все. Давненько не приходилось видеть такого чистого места преступления.

Джерри Эдгара, как и остальных, вызвали из дома, и он был в синих джинсах и белой майке. На левой стороне к ткани был приколот значок со словами: «Управление полиции Лос-Анджелеса. Отдел по расследованию ограблений и убийств». Он обогнал Босха, и тот прочитал на его спине слова: «Наш день начинается тогда, когда кончается ваш». Плотная облегающая бе-

¹ «Голливудская чаша» — концертный зал в Лос-Анджелесе под открытым небом, названный так из-за своей характерной акустической раковины в виде ряда концентрических арок. — *Здесь и далее примеч. перев.*

лая майка составляла резкий контраст с его темной кожей, и под ней бугрился мускулами торс. Эдгар двигался к «роллс-ройсу» упругой походкой спортсмена. Шесть лет Босх работал с этим человеком, но вне службы они так и не сблизились. Босху впервые пришлось в голову, что Эдгар, наверное, спортсмен и регулярно тренируется.

Странно было видеть его в майке, а не в превосходно сидящем нордстромовском костюме. Босх решил, что разгадал трюк: неформальная одежда гарантировала, что ему не поручат самое неприятное из всех дел — оповещать ближайших родственников о смерти.

Подходя к «роллс-ройсу», они невольно замедлили шаги, словно машина распространяла вокруг себя заразу. Автомобиль стоял багажником к югу и был виден с верхних уровней «Голливудской чаши». Босх снова оценил ситуацию.

— Ты намерен извлекать этого типа на виду у тех, кто потягивает вино и наслаждается ужином? Представляешь, как развопится вечером телевидение?

— Нет, оставляем на твое усмотрение, Гарри, — улыбнулся Эдгар, подмигнул и добавил: — Ведь ты — наш третий.

— Как же, как же, — хмыкнул Босх. — Третий, не кто-нибудь.

Босх никак не мог привыкнуть к тому, что его назначили старшим группы. Миновало почти восемнадцать месяцев с тех пор, как он официально расследовал тяжкие преступления. А о том, чтобы командовать людьми, и говорить нечего. В январе он вернулся из вынужденного отпуска, в который был отправлен в связи с нервным срывом, и его определили в отдел ограблений. Лейтенант Грейс Биллетс объяснила, что таким обра-

зом ему будет легче втянуться в работу. Однако Босх понимал: это ложь, — но безропотно принял понижение. Знал, что еще понадобится.

Восемь месяцев он перекладывал бумажки, иногда производил аресты воришек, а затем его вызвали к начальству в кабинет, и Биллетс заявила, что намерена заняться перестановками. Показатели в отделе по расследованию ограблений и убийств упали до нижайшего уровня. Раскрывалось менее половины всех преступлений. Биллетс приняла командование год назад и была вынуждена признать, что период самых серьезных неудач приходится на ее руководство. Босх мог бы ей объяснить, что это происходило еще и потому, что Биллетс не следовала примеру своего предшественника Харви Паундза, всегда находившего способы вздуть показатели, но придержал язык за зубами. Он молча сидел, пока Биллетс излагала ему свой план.

Первая часть плана состояла в том, что с первого сентября Босха возвращают на прежнее место, а в ту дыру, то есть в отдел ограблений, где он в последнее время служил, переводят некоего детектива Селби. Тот здесь совершенно не тянул. Сюда же Биллетс перетащила способную молодую сотрудницу, с которой работала в управлении Пасифик. Но самое радикальное заключалось в том, что она собралась нарушить традиционное разделение детективов на пары. Теперь девять детективов Голливудского отделения были разбиты на тройки, каждую возглавлял детектив третьего класса. Босх стал этим третьим и начальником первой группы.

Основания для подобных перемен казались вескими — по крайней мере, на бумаге. Большинство тяжких преступлений раскрываются в течение сорока восьми часов после совершения либо вообще остаются нерас-

крытыми. Биллетс намеревалась повесить раскрываемость и бросала на каждое дело много людей. Хуже для девятих детективов обстояло дело с другим. Раньше в отделе работали четыре команды напарников и на каждую приходилась четверть всей нагрузки. Теперь же тройкам требовалось браться за каждое третье расследование. Больше дел, больше работы, больше времени в суде, сверхурочных часов и нервного напряжения. Положительным во всем этом была лишь сверхурочная оплата. Но Биллетс не считалась с жалобами подчиненных и, понятно, быстро заработала соответствующее прозвище — Упертая.

— Кто-нибудь сообщил Упертой? — спросил Босх.

— Я ей звонила, — ответила Райдер. — Она уехала на уик-энд в Санта-Барбару, но оставила дежурному номер телефона. Биллетс сразу направилась обратно, но будет в дороге еще не менее полутора часов. Сказала, что сначала ей придется завезти домой своего муженька, а затем, наверное, покатит в контору.

Босх кивнул, подошел к машине и тут же почувствовал запах, едва различимый, но вполне явственный. Его не спутаешь ни с чем. Босх поставил кейс на землю, открыл и вынул из картонной упаковки перчатки из латекса.

— Давайте посмотрим, — проговорил он, натягивая перчатки. Он всегда терпеть не мог ощущение этой тонкой пленки на руках. — Подходите ближе. Пусть люди в «Голливудской чаше» наслаждаются только тем зрелищем, за которое заплатили.

— Да уж, картина не из приятных, — заметил Эдгар.

Они втроем встали у багажника и загородили его от зрителей, пришедших на концерт. Но Босх не сомне-

вался: в «Голливудской чаше» найдется человек с по-
левым биноклем и заметит все, что творится у «роллс-
ройса». Ничего не поделаешь — Лос-Анджелес есть
Лос-Анджелес.

Прежде чем открыть крышку, он взглянул на номер-
ной знак. На нем значились три буквы — ТНА. Босх
еще не успел ничего спросить, а Эдгар уже отвечал на
его невысказанный вопрос:

- По названию студии. На Мелроуз-авеню.
- Все три буквы?
- Да.
- Где именно на Мелроуз?

Эдгар вынул из кармана записную книжку и пере-
листал страницы. Адрес показался Босху знакомым,
но он не сумел его ни с чем связать. Понял только, что
место располагается где-то неподалеку от «Парамаунт
пикчерс», которая занимала всю северную часть квар-
тала 55-100. Огромную кинофабрику окружали ма-
ленькие и крохотные студии, они, словно рыбы-прили-
палы, ждали пролетевшего мимо пасти акулы кусочка.

— Что ж, приступим. — Босх сосредоточил внима-
ние на том, что находилось в багажнике.

Крышка была опущена, но замок не защелкнулся.
Затянутым в латекс пальцем он поднял ее. Из-под
крышки пахло зловонным запахом смерти. Босха не-
медленно потянуло к сигарете, но он знал: теперь не те
денечки, когда можно дымить на месте преступления, —
хорошо известно, как защитник обвиняемого сумеет
использовать оставленную детективом рядом с трупом
горстку пепла. Адвокаты выстраивают в суде линию
защиты и на менее значительных деталях.

Стараясь не коснуться бампера брюками, он накло-
нился над багажником. Внутри находился труп муж-

чины. Кожа посерела. Одежда явно дорогая: отутюженные полотняные брюки с отворотами, светло-голубая рубашка в цветочек и кожаный спортивный пиджак. Мертвец лежал на правом боку в позе зародыша, с тем отличием, что его руки находились за спиной, а не сложены на груди. Босх решил, что они были скручены, но затем их развязали — скорее всего, после того, как наступила смерть. Он различил на левом запястье ссадину. Видимо, жертва старалась освободиться от пут. Глаза мужчины зажмурены, в уголках засохло беловатое, почти прозрачное вещество.

— Киз, попрошу тебя вести протокол.

— Хорошо.

Босх склонился еще ниже над багажником и заметил, что в носу и во рту у мертвеца запеклась кровь. Волосы слиплись от крови, она текла по плечам и лужицей свернулась на коврик багажника. На дне багажника имелось отверстие, и через него кровь просочилась наружу и капала на гравий под машиной. Отверстие располагалось примерно в футах от головы жертвы, где коврик завернулся и обнажил металл. Дырку проделала не пуля. Это было либо специальное дренажное отверстие, либо здесь когда-то торчал болт, но со временем открутился и выпал.

Затылок жертвы представлял собой сплошное массиво, среди которого Босх разглядел две дырочки с зазубренными краями. Они располагались ближе к основанию черепа, в затылочном бугорке, вспомнил Босх научное название. Недаром присутствовал на стольких вскрытиях. Волосы вблизи ран опалили вырвавшиеся из ствола оружия горячие газы. Кожу запятнал порох. Выстрелы в упор. Выходных отверстий Босх не заметил. Вероятно, двадцать второй калибр. Такие пули не вылетают наружу, а бьются внутри, словно отскакиваю-

щие от стенок брошенные в пустую банку из-под мармелада камешки.

Босх поднял голову и увидел, что внутренняя поверхность крышки багажника тоже запачкана кровью. Он долго разглядывал пятнышки, затем отступил на шаг и выпрямился. Окинул взглядом багажник, мысленно перебирая пункты воображаемого списка. На дороге и на поляне крови не было, значит жертву убили здесь же, прямо в багажнике. Возникали вопросы: почему здесь, почему убитый без обуви, почему ему развязали руки? Босх решил обдумать это позднее.

— Бумажник искали? — спросил он у коллег.

— Пока нет, — произнес Эдгар. — Узнаёшь его?

Босх посмотрел на лицо убитого. Искажено страхом. Мужчина зажмурился — он понимал, что вот-вот произойдет. А что это у него за белесая субстанция в глазах? Уж не слезы ли?

— А ты?

— Нет. Слишком обезображен.

Босх задрал полу кожаного пиджака трупа — в задних карманах брюк бумажника не оказалось. Он распахнул пиджак: бумажник лежал во внутреннем кармане, на нем красовалась этикетка магазина мужской одежды «Фред Хабер». Там же находился конверт, в который авиакомпания вкладывают билеты. Придерживая полу, Босх извлек из кармана и то и другое.

— Закройте, — попросил он.

Эдгар осторожно, словно гробовщик, опустил крышку. Босх присел на корточки и положил на кейс бумажник и конверт.

Сначала он раскрыл бумажник. С левой стороны все отделение занимали визитные карточки, справа, в пластиковом окошке, виднелись водительские права. На документе значилось: «Энтони Н. Алисо».

— Энтони Н. Алисо, — повторил Эдгар. — Сокращенно Тони. Студия «ТНА».

Убитый проживал по адресу в Хидден-Хайлендс — небольшом районе на Малхолланд-драйв, который окружал Голливудские холмы. Такие места обычно огорожены высокими стенами, и в будке у ворот двадцать четыре часа в сутки дежурит охрана из нанятых отставных полицейских Лос-Анджелеса. Адрес полностью соответствовал марке машины — «ролс-ройсу».

Босх открыл отделение для денег и, не вынимая банкноты, пересчитал их: две стодолларовые купюры и девять двадцаток. Он произнес сумму вслух, чтобы Райдер занесла ее в протокол. Затем раскрыл авиаконверт. Внутри оказался купон билета в одну сторону из Лас-Вегаса в Лос-Анджелес на рейс авиакомпании «Американ эйрлайнс», вылетающий в пятницу в 22:05. Фамилия на билете аналогична фамилии на водительских правах. Босх перевернул конверт и осмотрел клапан. На нем не оказалось ни приклеенного, ни пришпиленного чека, который бы свидетельствовал, что счет уже оплачен.

Любопытно. Босх оставил билет на чемоданчике и заглянул через окна в машину:

— Багажа не было?

— Никакого, — ответила Райдер.

Босх опять поднял крышку багажника. Посмотрел на тело, зацепил пальцем левый рукав и потянул вверх. На запястье обнаружился золотой «ролекс». Вокруг циферблата часов поблескивали крохотные бриллианты.

— Черт!

— В чем дело, Эдгар?

— Пожалуй, я вызову ребят из отдела по борьбе с организованной преступностью.

- Зачем?
- Итальяшка, ничего не украдено, две пули в затылке. Это их дело.
- Подожди.
- Упертая тебе скажет то же самое.

Босх окинул взглядом искаженное, запачканное кровью лицо убитого. Закрыв крышку багажника и отошел к краю поляны.

С этого места открывался отличный вид на город. К востоку, за вольно раскинувшимся Голливудом, к небу в легкой дымке поднимались шпили делового центра. На стадионе зажгли огни перед вечерней игрой. За месяц до финальных соревнований команда «Доджерс» сыграла вничью с «Колорадо», а сегодня должен был подавать Номо. Во внутреннем кармане Босха лежал билет, но он прекрасно понимал, что надежды посмотреть игру — не более чем пустые мечтания. Вечером он и близко не подойдет к стадиону. Он сознавал, что Эдгар прав: преступление носило все признаки гангстерской разборки. Значит, следовало оповестить отдел по борьбе с организованной преступностью, и если уж не вовсе передать им расследование, то хотя бы попросить совета. Но Босх тянул. Он давно не получал дела, и ему не хотелось с ним расставаться.

Он посмотрел на «Голливудскую чашу». Похоже, концерт собрал аншлаг. Публика занимала расположенный на противоположном склоне амфитеатр в виде эллипса, и самые дальние от оркестра ряды находились почти на уровне поляны, где стоял «роллс-ройс». Интересно, сколько человек следят в данный момент за ним, а не за тем, что происходит на сцене? Босх никак не мог решить возникшую перед ним дилемму: чтобы продолжать расследование, необходимо извлечь из багажника тело, а если это сделать прямо на глазах у пуб-